

Т. Г. Кучина

Мотивы лирики М. Ю. Лермонтова в русской поэзии рубежа XX–XXI вв.

Статья посвящена рассмотрению интертекстуальной адаптации и трансформации биографического сюжета, сквозных тем и мотивов лирики Лермонтова в русской поэзии конца XX – начала XXI в. Дается разбор стихотворений С. М. Гандлевского, А. Кушнера, Д. А. Пригова, Б. Б. Рыжего; показываются принципы парафразирования романтического текста в постмодернистском, неомодернистском, неоакмеистическом контексте. В стихотворении А. Кушнера «Поговорить бы тихо сквозь века...» ключевая интенция лирического героя – прямой контакт с поэтом XIX в., становящийся возможным благодаря освоению лермонтовской «техники» преодоления в условном мире поэтического текста границ бытия и небытия, яви и сна. С. Гандлевский в «Стоит одиноко на севере диком...» пользуется лермонтовским словом в изображении метапоэтической рефлексии. В постмодернистском сюжете Д. А. Пригова (в стихотворении «Долина Дагестана») разыгрывается «замещение» на поэтическом Олимпе классика Лермонтова поэтом-графоманом современности «Дмитрием Александровичем Приговым». Б. Рыжий использует подобную же «подстановку» в собственно биографическом сюжете (в стихотворении «У современного героя...»), «занимая» место Лермонтова на дуэли у подножия Машука, – но трактовка Б. Рыжим этого биографического сюжета носит демонстративно «романтический» и трагический характер.

Ключевые слова: Лермонтов, Гандлевский, Рыжий, Дмитрий Александрович Пригов, Кушнер, концептуализм, цитата, парафраз, интертекст.

T. G. Kuchina

Motives of Lermontov's lyrics in modern Russian poetry

The subject of the article is intertextual adaptation and transformation of Lermontov's life story and the principle themes and motives of his lyrics in contemporary Russian poetry. A detailed analysis is offered of poems by S. Gandlevsky, A. Kushner, D. A. Prigov and B. Ryzhy. The author shows the ways of paraphrasing a romantic text in postmodern, neomodern, and neoacmeistic context. The main intention of lyrical self in Kushner's poem "Pogovorit' by tikho skvoz' veka..." ("If only one could softly speak through centuries...") is the direct contact with Lermontov, which becomes possible due to the adoption of Lermontov's technique of overcoming boundaries between objective reality and otherworld in fictional text. S. Gandlevsky in the poem "Stoit odinoko na severe dikom..." ("There stands alone in the wild North...") makes use of Lermontov's text represent metapoetic reflection. In his turn, D. A. Prigov in his poem "Dolina Dagestana" ("The Valley in Dagestan") lends his name to a modern graphomaniac who arrogantly exploits Lermontov's verse speaking in the first person. In the poem "U sovremennogo geroya..." ("The modern hero...") B. Ryzhy uses a similar substitution, but this time he inserts it in his own life story, where his lyrical self occupies Lermontov's place in the scene of his duel at the foot of Mountain Mashuk. But Ryzhy's interpretation of the duel is essentially romantically tragic.

Keywords: Lermontov, Gandlevsky, Ryzhy, Dmytry Alexandrovich Prigov, Kushner, conceptualism, quotation, paraphrase, intertext.

Обстоятельства творческой биографии и сквозные образы лирики М. Ю. Лермонтова регулярно становятся объектом интерпретации в произведениях поэтов конца XX – начала XXI в.; среди них выделим Александра Кушнера, Дмитрия Пригова, Сергея Гандлевского, Бориса Рыжего. Предметом рассмотрения в данной статье станут семантические преобразования, которым подвергается лермонтовское слово (цитата, образ, мотив) в контексте неомодернистской и постмодернистской лирики, а также отдельные структурные принципы, положенные в основу произведений-парафразов современных авторов.

Уважительная дистанция по отношению к классику (отнюдь не исключая дружеского участия) определяет поэтическую «диспозицию» в стихотворении Александра Кушнера:

Поговорить бы тихо сквозь века
С поручиком Тенгинского полка
И лучшее его стихотворенье
Прочешь ему, чтоб он наверняка
Знал, как о нем высоко наше мнение.

А горы бы сверкали в стороне,
А речь в стихах бы шла о странном сне,
Печальном сне, печальней не бывает.
«Шел разговор веселый обо мне» –
На этом месте сердце обмирает.

И кажется, что есть другая жизнь,
И хочется, на строчку опершись,
Ту жизнь мне разглядеть, а он, быть может,
Шепнет: «За эту слишком не держись» –
И руку на плечо мое положит. [2, с. 4]

Виртуальный диалог двух поэтов разворачивается в декорациях лермонтовского «Сна» («В полдневный жар в долине Дагестана...»): сверкающие горы, раненый офицер, предсмертное видение, в котором запечатлен «веселый разговор» об умирающем. Переход в потусторонность, столь значимый в произведениях Лермонтова, пунктиром намечен и у Кушнера: «другая жизнь» происходит не столько за границей строчки (в воображаемом поэтическом мире), сколько за границей здешнего земного бытия. Однако именно поэтическая строчка становится зоной контакта двух реальностей – давнего сна и нынешней яви, подлинной биографии и мифа, печальной жизни и утешительной смерти.

В приведенном Кушнером «диалоге» закавычены всего две реплики – и формально обе они принадлежат Лермонтову. Первая – строчка из его стихотворения («Шел разговор веселый обо мне»), однако озвучивается она на два голоса (написанное Лермонтовым читает лирический герой Кушнера), вторая – ответ классика на не высказанное вслух, но ясно обозначенное стремление современного героя разглядеть «другую жизнь», пройти сквозь рубежи времени и за черту смерти («за эту слишком не держись»). По сути, лермонтовский маневр – охватить воображением и здешний, и потусторонний мир одновременно (как во «Сне», и в «Выхожу один я на дорогу...», и в «Ангеле»), перенестись в особое измерение бытия, где границы между жизнью и смертью проницаемы до прозрачности, – лирическому герою Кушнера вполне удался: «...он, быть может, <...> руку на плечо мое положит».

Иным путем идет Дмитрий Пригов. Демонстративная гротескная «концептуализация» Лермонтова осуществляется в стихотворении Д. А. Пригова «Долина Дагестана». Из множества разнообразных персонажных масок, в которых обычно предстает перед читателем «Дмитрий Александрович Пригов» («маленький человек», «совесть нации», «Великий русский поэт»), выбрана маска графомана, занятого присвоением и «переименованием» лермонтовского творческого наследия (точнее, навязыванием ему собственного имени).

Долина Дагестана

В полдневный зной в долине Дагестана

С свинцом в груди лежал недвижим я

Я! Я лежал – Пригов Дмитрий Александрович

Кровавая еще дымилась рана

По капле кровь сочилась – не его! не его! – моя!

И снилась всем, а если не снилась – то при-
снится

долина Дагестана

Знакомый труп лежит в долине той

Мой труп. А может, его. Наш труп!

Кровавая еще дымится наша рана

И кровь течет-течет-течет хладеющей струей

[3, с. 319]

Стратегия «передовика литературного труда» в стихотворении Д. А. Пригова состоит в следующем: текст Лермонтова «пересказывается» от лица «Дмитрия Александровича Пригова», по мере развертывания становясь частью его, поэта-графомана, творческой биографии. Намеренные неточности и огрубления («зной» вместо «жара», бытовое «сочилась» вместо книжно-поэтического «точилась»), тавтологический повтор «кровь» и «кровавая» на месте лермонтовского «глубокая еще дымилась рана») – следствия установки на изложение поэтического сюжета от того «первого лица», которое впрыгнет на позицию лирического героя Лермонтова в третьем стихе («Я! Я лежал – Пригов Дмитрий Александрович»). «Дмитрия Александровича» ничуть не смущает то, что запланированная фабулой участь лермонтовского героя трагична и что ждет его смерть: поэт-графоман готов собственной кровью заплатить за место на литературном Олимпе, потеснив классика. Очевидно и то, что читательская реакция вполне адекватно прогнозируется «Дмитрием Александровичем»: любой знаток поэзии легко продолжит известный текст («По капле кровь точилась *моя*») – и рывок «Дмитрия Александровича» («не его! не его!») должен предупредить это завершение строки, не дать ему прозвучать, стать реальностью – а заодно и переозначить само слово «моя»: теперь оно указывает не на лермонтовского героя, а на замещающего его нового «поэта».

Вторая строфа доводит сюжет вытеснения Лермонтова «Приговым» до абсурда: «Дмитрий Александрович» сначала пробирается в сон лермонтовского героя («И снилась *всем*...»), а потом претендует на вакансию «знакового трупа» («Мой труп. А может, его»). Примирение достигается катастрофическим для семантики текста словосочетанием «*наш труп*»: оно приравнивает живого графомана к мертвому лермонтовскому герою и их обоих – к одному поэтическому объекту. «*Наша* рана» завершает метаморфозу – слияние «Пригова» и «Лермонтова», после чего происходит окончательный «захват» исходного

текста: «И кровь течет-течет-течет хладеющей струей» – типичный пример графоманского смешения длиннот (повтор «течет-течет-течет») и поэтизмов («хладеющей струей»). Лермонтовский герой умирает в «Долине Дагестана» в маске «Дмитрия Александровича Пригова».

Совершенно иные принципы работы с лермонтовским прецедентным текстом находим в стихотворении Сергея Гандлевского «Стоит одиноко на севере диком...»:

Стоит одиноко на севере диком
Писатель с обросшею шеей и тиком
Щеки, собираются выть.
Один-одинешенек он на дорогу
Выходит, внимают окраины Богу,
Беседуют звезды; кавычки закрыть [1, с. 39].

По сути, это тот случай, когда поэт из «чужих» слов собирает собственный оригинальный текст. Слова М. Ю. Лермонтова, стихи С. М. Гандлевского. В них нет не только попытки присвоения, как у «Дмитрия Александровича Пригова», – наоборот, они декларируют свое глубоко литературное происхождение финальной формулой: «кавычки закрыть». Едва ли не за каждым словом тянется реминисцентный шлейф, а ритмический рисунок – четырехстопный амфибрахий с цезурой после второй стопы – точно повторяет лермонтовский перевод "Ein Fichtenbaum steht einsam..." Г. Гейне (впрочем, недолго – в третьем стихе четвертая стопа отсекается). В противовес устремленности «Дмитрия Александровича Пригова» к поэтическому величию герой-писатель Гандлевского держится со скромным достоинством и относится к себе с грустной иронией. Он не торопится в классики – более того, в стихотворении ему отведено то синтаксическое место, которое у Лермонтова занимала «сосна» (а внешнее сходство с хвойным деревом пародийно намечено при помощи указания на колючую щетину – «с обросшею шеей»). Одинокая мечтательная печаль сосны, обреченной на не-встречу с пальмой, у Лермонтова умножается столь же одинокой грустью южной красавицы («Одна и грустна на утесе горячем...») – у Гандлевского же саркастически заостряется до желания завить (похоже, так и неосуществленного: «писатель» пока не находит точного акустического аналога своему чувству).

Вой на дороге – это дословесное выражение смыслов (и даже до-музыкальное: «и, слово, в музыку вернись» – более позднее и окультурен-

ное представление о связи смысла и звука); но в контексте лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...» такой способ коммуникации с космосом явно «облагораживается», а зооморфные черты обросшего «писателя» (из первой части стихотворения) и вовсе отходят на второй план.

Лермонтовское противопоставление небесной гармонии и человеческой трагедии («В небесах торжественно и чудно!» – «Что же мне так больно и так трудно?»); рифма чудно/трудно лишь заостряет это противопоставление, сводя в звуковом повторе контекстные антонимы у Гандлевского сохранено: звезды, как века назад, по-прежнему «беседуют» (парафраз лермонтовского «и звезда с звездой говорит»), «окраины» внимают (у Лермонтова) или внимают (у Гандлевского) Богу – и только «писатель» пребывает в диссонансе с этой «чудной» вселенной («такое житье – как встал, так и за вытье»). Разговорное причитанье («один-одинешенек») призвано у Гандлевского сбросить градус серьезности в размышлении об одиночестве – человеческом и художническом, однако подлинность трагизма никуда из стихотворения не исчезает. Если лермонтовскому герою было дано воспарить над землей и из космоса взглянуть на планету («спит земля в сиянье голубом»), если для него пересечение границы жизни и смерти – вовсе не «летальный исход», а погружение в сладкий и живой сон, то для «писателя» Гандлевского метафизический мир закрыт. Финальная строчка – «Беседуют звезды; кавычки закрыть» – показывает, каковы пределы его вселенной: за кавычками, вне текста – жизни нет. Поэзия же, похоже, есть лишь невнятное эхо, доносящееся откуда-то сверху, из мира «беседующих звезд»; неспособному обратиться это небесное тремоло в стихи «писателю» остается выбор – между «чужими» словами (честно заключенными в кавычки) или собственным «персонализированным» воем. Впрочем, и это пока недостижимо: «писатель» представлен молчащим, бессловесным – он только «собирается выть».

Романтический флер, окутывающий личность Лермонтова, оказался весьма притягательным для едва ли не последнего современного романтика – Бориса Рыжего, поэта с выраженно лермонтовским ощущением трагичности бытия. В стихотворении «У современного героя...» Рыжий создает историю «эмиграции» в XIX век – туда, где у подножия Машука самоубийство (или принесение в жертву?) поэта было разыграно в виде дуэли:

<...> И эдаким усталым фатом,
закуривая на ветру,
я говорю: живи в двадцатом.
Я в девятнадцатом умру.

Но больно мне представить это:
невеста, в белом, на руках
у инженера-дармоеда,
а я от неба в двух шагах.

Артериальной теплой кровью
я захлебнусь под Машуком,
и медальон, что мне с любовью,
где ты ребенком... В горле ком [4, с. 452].

Наслаивающимся друг на друга реминисценциям (в стихотворении явно слышится то Есенин – «я говорю: живи в двадцатом», то Некрасов – в «ухарской тройке», то Блок, «арендующий» у Некрасова тройку для офицера, то сам Лермонтов – медальон появляется из «Расстались мы; но твой портрет...») Рыжий противопоставляет в финальной строфе подлинность жизни и любви – и готовности за них умереть. «Артериальная теплая кровь» Рыжего – это не бутафорский концепт крови, как у «Дмитрия Александровича Пригова», а сама материя жизни. Общеизвестно, кажется, что «строчки с кровью – убивают, нахлынут горлом – и убьют!»

Библиографический список

1. Гандлевский, С. Сухой остаток: Избранные стихотворения. Эссе [Текст] / С. Гандлевский. – СПб., 2013.
2. Кушнер А. Стихи [Текст] / А. Кушнер // Звезда. – 2011. – № 9.
3. Пригов, Д. А. Написанное с 1975 по 1989 [Текст] / Д. А. Пригов. – М., 1997.
4. Рыжий, Б. В кварталах дальних и печальных [Текст] / Б. Рыжий. – М., 2012.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gandlevskij, S. Sukhoj ostatok: Izbrannye stikhotvoreniya. EHsse [Tekst] / S. Gandlevskij. – SPb., 2013.
2. Kushner A. Stikhi [Tekst] / A. Kushner // Zvezda. – 2011. – № 9.
3. Prigov, D. A. Napisannoe s 1975 po 1989 [Tekst] / D. A. Prigov. – M., 1997.
4. Ryzhij, B. V kvartalakh dal'nikh i pechal'nykh [Tekst] / B. Ryzhij. – M., 2012.